

2,7/5 (3 голосов)

Творчество

Три понедельника

Жить осталось три понедельника.

Или тридцать три.

Или триста тридцать три.

Все равно – вжик – и прилетел.

Счетчик тикает.

Так почему я должен притворяться?

Зачем и кому я должен подыгрывать?

Вам не нравится, что я говорю? Отойдите к тому, кто говорит приятное вам.

Назвал мерзавца – мерзавцем. Некорректно?! Вот летит ворона. Это ничего, что я ее вороной назвал?

Интересная женщина. Вызывает желание. Скажи ей об этом прямо. Получишь ответ: «Животное!». Начни с красивых слов. Поймай себя на том, что когда-то уже говорил это. Станет скучно и противно. Твое желание умрет в тот момент, когда ее – проснется. Ей нужна заезженная пластинка. А жить осталось три понедельника. Есть та, которая поняла. Давно. Без слов. Ей – все оставшиеся дни.

Друг ушел. Все говорят красивые слова. Ты молчишь. Тебя осуждают. Им нужно покрасоваться. А у тебя кусок тебя умер. Не болит. Просто умер. О чем говорить? Это – отнимает.

Полдня прозаседали. Впустую. А столько надо было сделать! Полдня! Жаль до ярости. Это – отнимает.

Маленький сюрприз. Мои помощницы легли на амбразуру. Все сделали сами. «Умницы!», –

обязательно вслух. Сейчас не скажешь – потом забудешь. А потом – третий понедельник. А они старались. Зарплату и так получают. Но старались. Вслух: «Растёте, девчонки!». У вас только утро первого понедельника. Растите. Продолжайте меня.

Большой поэт ушел. Давно. Но мы – живые – соберемся в его день рождения. Мы – не великие. Но у каждого из нас есть свое слово. Время не тратим. Вкладываем. Под проценты. Его последний понедельник – в последнем из нас. А наш – в последнем из тех, кто потом соберется так же и здесь же.

Вечер. Огород. Все живое. Все тебя ждет. Помог. Полил. Покормил. Задавил гада-жука. Затравил тлю. Выпутал пчелку. Поругал паука: «Мух лови!» Поговорил с помидорами. Они все понимают. Это – в плюс. Это – бонус.

Дом. Стройка. Новый туалет. Ввертыш в гипсе проворачивается. Придется светильник на «молли» крепить. Держатель для бумаги, ершик в чаше. Бронза на песочно-розоватой плитке. Теперь – полный комплект. Святое место! Сядет человек. Расслабится. Никто не пристаёт. Советов не даёт. Вопросами не донимает. Ответа и ответственности не требует. Отдыхайте, родные. Я за вас заранее порадуюсь. Это время, как охота и рыбалка, в счет понедельников не идет.

Полночь. Буквы на мониторе. Слова. Фразы. Повесть. Прочитают тысячи. Поймут или нет. Восхитятся или обматерят. Поверят или будут спорить. Задумаются или съёрничают. Но запомнят. Я в них останусь. Плюс три понедельника – в каждом.

Солнце сквозь плотные шторы. Шорты, калоши. Роса. Погладил грушку. Давай вокруг тебя подрыхлим! Ей можно прямо сказать: «Я тебя хочу!» Наливайся скорей. Расти. Продолжай меня.

Телефон. Сын. «Па! Посоветоваться хочу». Разговор. Никакого совета ему не нужно. Сам все решил. Я бы так не сообразил. А ему нужно просто укрепиться. Добрать силы. Взял у меня. И оставил вдвое.

«Дед! Давай в шарики играть!» – «Давай!» Желтые шары по зеленому сукну. «Что-то я устал». – «Дед, ну еще немножко!» – «Ладно». Нежные ручонки на шее: «Настоящий дедушка!» Таешь. Прижимаешь к себе. Кровинка моя. Это время – не в зачет. Это в прибавку. Это – в вечность. Продолжай меня.

Лимончики

Хр-руп! – и осколки раздавленного граненого стакана вспороли ладонь того, кто таким пижонским образом решил продемонстрировать крепость своих дланей.

Проведению атлетического эксперимента и его печальному результату способствовал целый ряд обстоятельств. Во-первых, суровому обладателю могучей кисти через две недели должно было исполниться аж семнадцать. Во-вторых, все его познания в области общения с прекрасным полом ограничивались курсом дворовых лекций и изучением медицинского справочника, который был позаимствован другом детства у отца-гинеколога. А в-третьих, как еще можно было привлечь

внимание миниатюрной, но совершенно независимой, невероятно глазастой и очень строгой старосты параллельной группы, если при одном взгляде на ее ладную фигурку в сером мини-платице кровь просто вскипала, намертво иссушая обычно разговорчивый рот и приклеивая онемевший язык к гортани.

И вот – привлек...

Уже изрядно поддавший друг Серега, который и притащил его на восьмимартовскую вечеринку своей группы, удивленно возрился на алую струйку, стекающую с кисти друга:

– Стакан полный был, что ли?

– Ты что, кровь от портвейна не можешь отличить? – злясь на себя в душе и потому особенно язвительно ответил пострадавший.

– Ну, это сколько выпить, – резонно заметил приятель, – а то состав может быть и совсем одинаковый...

Девчонки же – хозяйки тесной общежитской комнатки, уставленной двухъярусными железными кроватями, – всполошились:

– Вы с ума сошли? Он же порезался!

И тут произошло то, ради чего можно было передавить еще дюжину стаканов и даже сплясать боевой танец на их осколках: ОНА первой метнулась к шкафчику с женскими причиндалами и, выхватив пакет с какими-то ватно-марлевыми делами, вернулась к герою вечера.

– Покажи рану, там стекло не застряло?

Он разжал ладонь. Тонкая красная струйка, цвиркнув, прыгнула на ее платье, мгновенно расплывшись пятнами по модному кримплону.

И без того громадные глазищи стали еще больше. Но маленькие ловкие ручки уже соорудили тампон, прижали его к зияющему разрезу и принялись заматывать скрюченную от боли кисть.

Закончив перевязку, сестра милосердия скомандовала:

– Мальчишки, идите погуляйте минут десять, я переоденусь.

Парни двинулись в коридор, на ходу подначивая хорохорящегося стаканобойца, а она, закрыв дверь, разревелась. Было очень жалко этого смешного дурачка, весь вечер украдкой следившего за ней, и было стыдно перед подружкой, одолжившей на вечер свое лучшее платье. Личный парадный гардероб, состоявший из мини-юбки и нарядной кофточкой, был выстиран еще вчера, но до сих пор сох на спинке кровати. Так что и переодеться-то, собственно, было не во что.

Душевная умница Лелька поняла все сразу. Обняв подружку за плечи, она весело сказала:

– Ну, ты что! Из-за платья, что ли? Да кримплен отстирается без проблем, только сейчас прямо замочим. Зато какой кавалер, а! Кровь готов для тебя пролить! Ты возьми, надень свой домашний халатик, мужики все обалдеют.

– И все с ходу начнут резаться, – добавила яркая, темпераментная и язвительная Наталья.

Вернувшись же представителям сильного, но бестолкового пола дамы, переодевшиеся из солидарности в разноцветные халатики, объявили:

– Мы тут хотели все в белые халаты одеться и бинтов еще закупить, но надеемся на ваше трезвое поведение и предлагаем попить чаю.

Сгорающий от стыда виновник переполоха пытался смыться еще в коридоре, но был отловлен. Теперь он сидел с пылающим лицом, пил чай и, погрузившись в горестные размышления, ждал удобного момента, чтобы извиниться за причиненные хлопоты.

– Остановилась?

– А? – вздрогнул он.

– Кровь остановилась? – Нежная ладошка осторожно коснулась замотанной руки. Наклонившись, ОНА внимательно смотрела на бинты, сквозь которые проступало багровое пятно. Воротничок желтенького ситцевого халатика, украшенного незатейливыми цветочками, отошел, приоткрывая небольшие смуглые грудки. Еще чуть-чуть и... Но маленький пластмассовый желто-зеленый лимончик, верхний из ряда застегивающих халатик пуговок, спас... нет, не хозяйку, а того, кому она так хотела помочь.

Ведь и так просто удивительно, что не бетонная плотина, а обычный марлевый тампон оказался способен удерживать гремучую смесь из гормонов и адреналина, прогоняемую сумасшедшими толчками молодого сердца с частотой сто восемьдесят ударов в минуту...

И все же... ах, лимончик, лимончик!..

* * *

В первый месяц они практически не спали. А тут еще и сессия подвернулась. Так что после ночных бдений над конспектами, то и дело прерываемых для занятий, не предусмотренных программой, особо и отсыпаться было некогда. Но не зря восточные мудрецы рассматривали любовь как особый род помешательства, обычно не опасного для окружающих.

Скорее – мешали окружающие. Ведь все имеет свой предел. В его комнате жили еще пятеро, в ее – четыре подружки. Принудительные коллективные походы в кино и самоотверженное высидивание друзей в учебных холлах общежития могли продлиться месяц-другой. А год?.. Постоянные встречи украдкой, пятнадцатиминутная «любовь» с настроженным ожиданием тяжких шагов бдительной комендантши, вечный страх забеременеть и неопределенность своего положения – все больше и больше тяготили прекрасную половину влюбленной пары. Все чаще пылкие встречи стали заканчиваться неожиданными слезами, приводившими вторую половину, более легкомысленную и толстокожую, сначала в недоумение, а затем в тихую ярость. Ибо нет на свете средства, которое действует на мужчину сильнее, чем женские слезы.

И наступил день, когда бушевавшее в крови возбуждение, не найдя желанного и привычного

выхода, прорвалось жестокими словами:

– Как ты мне надоела!

* * *

Очень трудно объяснить, что ощущает человек, который в полной темноте, на ощупь, хлебает из жестяной банки варево из скользких грибов без соли и специй. Завершался десятый день эксперимента «Мы и природа», реализованного тремя друзьями в чудесном уголке дальневосточной тайги.

– А не пора ли домой, соколы вы мои? – весело спросил друг Серега.

– Угу! – давясь склизотенью, промычал из темноты старого зимовья другой молодой голос.

Третий ответил не сразу. Не хотелось, чтобы по дрогнувшему голосу друзья поняли его состояние. И без того поглядывают сочувственно, как на больного, прекрасно понимая, что творится в душе приятеля, попытавшегося сбежать в тайгу от самого себя.

А в этой душе, изо дня в день, повторяясь словно на заезженной пластинке, все громче и громче звучала одна и та же фраза:

– Животное, идиот, ведь ты ее теряешь... если уже не потерял!

* * *

– Нам надо поговорить.

– А разве не все сказано? – Она, беззащитно съежившись, будто ожидая удара, сидела на краешке кровати.

– Я хотел сказать, что люблю тебя и что не могу без тебя.

– В первый раз слышу от тебя слово «люблю». Обычно ты говоришь «хочу»... – Гордость переломила горе. Ее глаза смотрели вызывающе, и теплый коричневый ободок, обычно омывающий бездонные зрачки, исчез под наплывом беспощадно-ядовитой зелени.

– Это очень серьезное слово, ты слышишь его первая и единственная.

– Мне тяжело с тобой сейчас говорить...

– Я понимаю. Но если мы не сможем прощать друг другу обиды и ошибки, как мы сможем прожить вместе всю жизнь?

Платочек не помог. И закушенные в кровь губы тоже не остановили предательский поток. Слезинки стекали по милому, измученному лицу, как капельки весеннего сока по израненной коре березы.

Его сердце рвалось на части от любви, жалости и той великодушной нежности, которая и делает мужчину мужчиной. А его губы собирали горько-соленые капельки с лица любимой, с ее нежной, трепещущей пульсирующими жилочками шеи и с ребристого бочка маленького желто-зеленого лимончика в вырезе простенького домашнего халата...

* * *

Женщина, придирчиво хмуря брови, но с тайным удовольствием рассматривала себя в зеркало: в жизни не подумаешь, что у отражающейся в стекле обладательницы ладной, стройной фигуры старший сын – двадцатилетний студент.

И ее обновка выглядела просто замечательно.

Черно-золотые трусики итальянского ночного шелка, сделанные в виде шортиков, скрадывали слегка располневшие бедра (ну и что?.. родите троих, я на вас посмотрю!). Короткая маечка, наоборот, соблазнительно обтягивала небольшую, но все еще упругую и красивую грудь. А твердые, как у девчонки, соски выпирали сквозь нежную ткань такими задорными пуговками, что в исходе сегодняшней демонстрации мод сомневаться не приходилось.

А вот и ОН! Хлопнула входная дверь, и дурачившиеся у себя в комнате младшие пацаны перенесли свои крикливые голоса в прихожую.

Женщина откинула покрывало на роскошной кровати, легла, только слегка прикрыв обнаженные ноги, и сделала вид, будто целиком погружена в очередную серию Санта-Барбары.

Муж вошел в комнату, тускло-безразличным взглядом скользнул по жене и, мазнув ее губы коротким дежурным поцелуем, вышел, прихватив халат.

Она, подавив разочарование (умотался, наверное: работа – сплошные нервы), сообщила вслед, что ужин в микроволновке, и уже всерьез погрузилась в мыльные страсти.

Минут через двадцать он снова появился в спальне, и в тот же момент хлопнула входная дверь. Женщина, не отрываясь от экрана, спросила:

– Кто ушел?

– Мальчишки.

– Куда они?

– Я их гулять отправил, на улице погода прекрасная.

Она удивленно вскинула на мужа глаза, и тут же словно горячая волна плеснула в сердце, растеклась-раскатилась по телу, закружив голову и пробив сладкой дрожью колени.

Ее мужчина, горячий после душа, благоухающий лосьоном после бритья, стоял перед ней, сбросив халат. Его хитрющие глаза смеялись и уже ласкали...

Нет, это было не долгое и умелое наслаждение двух взрослых людей, изучивших друг друга до последней клеточки и понимающих партнера с полувздоха, полустона. Это было сладкое безумство юных любовников, впервые ворвавшихся в сумасшедший мир неумной страсти.

И не полированную гладь хитроумных кнопок, упрятанных в складках дорогого шелка, ощущали его нетерпеливые пальцы, а шершавую поверхность пластмассовых желто-зеленых лимончиков, ревниво прячущих под незатейливым ситцем сокровища всей его жизни.

Авитаминоз

Вот и закончилась наша первая ночь в Грозном.

Закончилась без суеты, без страха. И если поклацали мои орлы зубами, то не из-за пулявшей всю ночь по блоку «биатлонки», а от неожиданного после вчерашней дневной жары ночного заморозка.

Так что, командир, через левое плечо поплюй, но, похоже, можешь себя поздравить. Пусть командировка только начинается. Пусть это всего лишь одна из предназначенных твоему отряду сорока пяти ночей. Пусть война в любой момент может подкинуть какой-нибудь страшный сюрприз. А все-таки – ты готов. И орлы твои готовы. И солнышко снова шпарит.

Воспоминания о ночном заморозке вместе с потом из-под «Сферы» солеными ручейками утекли. Даже странно подумать, что дома еще сугробы лежат и метели вовсю буянят. Сейчас бы крошечки холодненькой... Кстати, вчера, когда шли на базу из ГУОШа, проезжали мимо рынка. Похоже, в Грозном народ действует по правилу: война войной, а торговля по расписанию. На рынке народу полно и издалека видно, что прилавки зеленью забиты. А хочется зеленочки-то, травки-силосу, витаминчиков! Правда, мужики в комендатуре говорили, что цены на рынке еще высоковаты, надо чуть подождать. Да только дорога ложка к обеду. Когда всего полно будет, то и охотка отойдет. А вот сейчас лучком зеленым в солонку ткнуть, да с черным хлебушком его! Или редисочкой свежей, ядреной похрустеть... Все, сил нет, слюна аж фонтаном брызжет. И вообще, аль мы не крутые, аль не заслужили?!

– Котяра!

– Здесь, командир!

– Давай, готовь машину и группу прикрытия. Смотаемся на рынок, посмотрим, как тут народ живет. Да надо к обеду зелени набрать. А то мы как бригада вурдалаков выглядим. Морды бледные, губы синие. В медицинские учебники можно фотографировать, в раздел про авитаминоз. Сколько тебе времени нужно?

– Пять минут.

– Время пошло...

Пять – не пять, но через десять минут уже и «Урал» у коменданта выпросили, и сопровождение в полном боевом из-под брезента радостными физиономиями сияет. Ну, понятное дело – весь цвет отряда здесь. Первый выход в город, на оперативный простор. Это тебе не на блоке торчать, марсианские пейзажи на грозненском асфальте рассматривать.

...Рынок как рынок. Все та же туретчина, китайщина. Польский ширпотреб попадает. Все те же сникерсы-марсы-пепси-колы. Торгашки, в основном чеченки, галдят как положено. Зазывают, подначивают. По-русски почти все нормально говорят. Только гласные потягивают, нараспев как-то. Шипящие очень любят. И букву «в» смешно выговаривают: губы в трубочку, как англичане свое «дабл ю», из-за которого до сих пор Шерлок Холмс в разных изданиях то с Уотсоном, то с Ватсоном за злодеями бегают.

Мужиков мало. Только мясо продают двое или трое. Да водку – один. Несколько человек у стенок киосков на корточках сидят. Надо повнимательней быть. А то в толпе и стрелять не надо. Сунут заточку под броник – ты еще по инерции идти будешь, а твой «приятель» уже испариться три раза успеет.

– Не разбегаться. Группой идем. Повнимательней.

Вот она, зелень кучерявая. Вот она, родимая. Тут надо Кота вперед запускать. Ох, и мастер торговаться! Рожа уже в улыбке расплылась, глазенки заблестели. В своей стихии человек.

Что-то с первой хозяйкой не сторговались. Ну, понятно, кто же на Кавказе товар с первого захода берет? Тут торговаться не уметь – себя не уважать. Только делать это надо красиво. Не жлобства ради, а искусства для.

Красивый торг – это состязание поэтов!

Ну вот! Тетка-покупательница весь кайф обломила! По виду – своя, русачка. Только странная какая-то: бледная, лицо как испитое. Дерганая, похоже, с легкой шизой. Котяра со второй продавщицей уже целую сагу о молодой редиске сложили, уже партию на два голоса без фортепьяно друженько так стали выводить... А эта подошла, тербит пучки: то ей не так, это не эдак. Есть такая категория рыночных посетителей. Им в удовольствие пройти, поприценяться, ничего не купить, зато каждому продавцу его товар охаять. Желчь слить. Обычно торгаши таких мгновенно вычисляют и либо игнорируют, либо сразу отсылают подальше. Но наша чеченка вежливая оказалась. Хоть и видно, что ничего эта тетка покупать не будет, хоть и сбила она нам торг красивый, но не злится продавщица, отвечает ей на все вопросы, разговаривает вежливо. Наверное, боится русской при нас дерзить. То-то! Это вам не девяносто четвертый, когда о русских здесь любая мразь ноги вытирала, как хотела. Теперь у них защитники есть!

– Ну, вы будете брать что-нибудь? – Котяра ухмыляется галантно.

– Нет, дорого. Что это за цена? С ума совсем сошли.

Женщина бережно кладет пучок редиски на место (что ж не швырнула для полноты возмущения?) и, отвернувшись, уходит, наконец. Ну ладно, и нам пора. Котьяра затаривается в два пакета, сбив цену чуть не вполтину. Хозяйка торжественно, в знак признания его несомненного таланта, еще три пучка укропа бесплатно вручает.

Комплименты, обещания теперь покупать зелень только у этой красавицы (благо ее джигита рядом нет), аплодисменты, занавес...

А на базе уже борщ с тушеночкой доваривают. Сейчас мы туда укропчику, чесноку мелко рубленного, да под лучок... Есть счастье на свете, люди добрые!..

Вон как наряд в столовой при виде роскоши такой развеселился. Так: пока они борщ доводят до абсолютного совершенства, а столы – до уровня фламандских натюрмортов, надо быстренько в комендатуру мотнуться. Зам. коменданта по милиции обещал подготовить график патрулирования, да, если честно, и желание поделиться первыми впечатлениями аж распирает...

Что-то нет Федорыча. Ни в штабной комнате, ни в спальне. Может, на улице? В комендатуре два входа-выхода. Один – со двора, для своих. Второй – снаружи: к шлагбауму и пункту выдачи гуманитарки.

Точно – вот он. Возле шлагбаума с народом стоит. Откуда их столько? Старики, женщины, некоторые с детьми. Есть и чеченцы, но в основном свои – славяне. И тоже лица странные: мимика дерганая и блеск в глазах, как у той женщины на рынке. Федорыч им что-то объясняет. Мягко так, как доктор тяжелобольным:

– Чуть-чуть подождите. Сейчас подойдет помощник по тылу. Обязательно поможем. Хоть немножко, но поможем.

Ко мне направился. Надо расспросить, что тут за народное собрание.

– Здравствуй, дорогой. Как первая ночь? Без проблем? Ну и молодцы. А у нас – видишь... Вот беда, беда!

Посмотришь на людей – самому три дня кусок в горло не лезет. А как всем помочь? «Красный Крест» только рекламу создает да политику качает, а реальная помощь – мизерная. Гуманитарку привозят – ее всю сильненькие да блатные растаскивают. Люди сутками в очередях стоят, дожидаться не могут, в обмороки падают. Чеченцам легче. У них родня в селах. Кому совсем невмоготу – уезжают к своим. В городе все равно ни работы, ни условий для нормальной жизни. А эти... пока бои шли, по подвалам сотнями от голода и жажды умирали. Вышли из подвалов, а кто их накормит? Где квартиры уцелели – мародеры прошлись. Рады последние вещи за банку тушенки отдать, – а где те вещи? Одна надежда – на нас. А что у нас, склады, что ли? Мы тут уже все, что могли поотдавали: перловку, пшено, макароны разные, а все равно – капля в море... По помойкам бродят, да сейчас и на помойках ничего не найдешь. На рынках побираются. Вокруг еды ходят, смотрят, оторваться и уйти не могут. А купить не на что... Слушай, ты за сутки хоть немного отдохнул? Что-то выглядишь неважно. Не приболел?

– Да нет, все нормально. Климат непривычный, жарковато. Ничего, освоимся. Я... я к своим пойду. А насчет патрулирования попозже зайду, ладно?

– Хорошо, давай попозже. Но все-таки, дружище, ты в медпункт зайди. Что-то ты мне не нравишься...

Я сам себе не нравлюсь, Валерий Федорович. Ненавижу! Ненавижу это тупое самовлюбленное животное, стоявшее в двух шагах от смертельно голодной женщины и не догадавшееся протянуть ей хотя бы жалкий пучок редиски.

Сытый голодного не понимает.

Какие страшные слова.

– Командир, обед готов!

– Что-то неохота, жара, что ли?

– Команди-и-р!

– Давайте пока без меня. Я попозже. Саня... ты вчера ворчал, что нам крупы всякой напихали на целый полк. Все равно мы ее есть не будем. Собери быстренько, да еще что-нибудь... Там у комендатуры люди голодные стоят...

Мы готовились к этой войне.

Нам рассказывали, как вести себя с местными при проверке документов.

Но среди местных – десятки тысяч русских, украинцев, армян, евреев.

Мы до автоматизма отрабатывали действия при штурмах зданий и при «зачистке» населенных пунктов. И мы твердо усвоили, что в подвал всегда нужно заходить втроем: сначала граната, а затем – ты и напарник.

Но как штурмовать дома и подвалы, в которых укрываются не только боевики, но и чудом уцелевшие под бомбежками и артобстрелами люди?

Мы изучали методы своего выживания в экстремальных ситуациях. Но представить себе не могли, что будем жевать свои сытные пайки под голодными взглядами истощенных людей.

Нас – сытых, здоровых и сильных учили защищать этих людей с оружием в руках.

И вот мы пришли.

Ну так что, командир? Ты готов к такой войне?